

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

**ПОЭТИКА.
СТИХОСЛОЖЕНИЕ.
ЛИНГВИСТИКА**

К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой

Москва
«Азбуковник»
2003

І. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В. Н. Топоров (Москва)

Два «Размышления» Ломоносова в контексте русской поэзии XVIII века

В этой заметке речь пойдет о двух соотнесенных друг с другом стихотворных текстах Ломоносова — о «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великаго севернаго сияния» и об «Утреннем размышлении о Божием величестве» и — вкратце — о «ночном» и «утреннем» текстах русской поэзии XVIII века. Эти «тексты» составляют особые разделы более обширного и синтетического «текста» времени в той его части, которая касается суток (в отличие от времен года, самого года, века и т. п.). В суточном круге временные периоды, находящие свое отражение в поэзии, располагаются в следующей последовательности: утро (восход, утренняя заря), полдень, день, вечер (закат, вечерняя заря), ночь. Почти всегда отсчет идет от восхода-утра или от заката-вечера, хотя у круга самого по себе нет ни начала, ни конца, и выбор их зависит в известном смысле от произвола того, кто определяет точку отсчета, и целей, которые он преследует. Тем не менее и в практическом (бытовом) плане, и в предпочтительном внимании, определяемом выбором самих поэтов, бесспорно ключевыми оказываются вечер-закат, утро-восход и особенно то, что их разделяет, — н о ч ь, темное время суток, пора сна. В конечном счете не случайно, что начало суток приурочивается к ночи, к той точке, в которой последнее мгновение уходящего дня (суток) сливается с первым мгновением начинающегося дня, хотя в разных поясах и в разное время года «бытовое» понятие ночи то сокращается, то расширяется.

Обычно появление в русской поэзии темы н о ч и, ее образа, наконец, первых подступов к сложению «текста ночи» связывают с влиянием «ночной» поэзии Эдуарда Юнга (1683–1765) и его самой знаменитой книги «The Complaint, or Night Thoughts on

Life, Death and Immortality» (1742–1745), принесшей своему автору европейскую славу поэта ночи и, может быть, особенно полюбившейся в России (правда, не менее чем тремя-четырьмя десятилетиями лет позже) и имевшей своим следствием появление целого ряда переводов, о чем см: (Левин 1990; Левин 1996; Топоров 2002 и др.).

Но, конечно, тема ночи, а точнее, само слово *ночь/нощь* появляются задолго до первых веяний юнгианской поэзии ночи. Во всяком случае Тредиаковский, Кантемир, Ломоносов (особенно) сделали большой шаг в формировании этой темы и соответствующей образности. Привлекает к себе внимание существенный разрыв между поэзией 30–60 гг. XVIII века и поэзией XVII века. Количество употреблений слов *ночь/нощь*, *ночной* и т. п., даже учитывая существенную разницу в объеме текстов в пользу поэзии 30–60 гг., в поэзии XVII века несравненно меньше, но даже дело не только в этом. Главное в том, что в поэзии XVII века сама топика не предполагает, строго говоря, обращения к теме ночи, которая за редкими исключениями практически отсутствует, и лишь в очень немногих случаях можно уловить намеки (весьма отдаленные и общие) на ранние подступы к этой теме. Но и более того. Нет не только «ночной» темы, но и соответствующая образность сведена к минимуму, и если что-то хотя бы как-то обнаруживается, то оно отсылает скорее к образности древнерусской прозы, нежели к поэзии второй трети XVIII века.

Стоит обозначить ряд примеров употребления слов *ночь/нощь* и под. из поэзии XVII века, напомнив при этом, что иногда *ночь*, не имея своего собственного языкового выражения, легко имплицитруется упоминанием луны, звезд, тьмы, в ряде случаев — сна (как предполагается, *ночного*). Ср. из числа наиболее характерных (главным образом из-за контекстов) примеров такие: *И ви-жу, чтобы ми еси, государь, и помог, но не возмет твоя м о щ ь , | А уже нам грешным, в скорби сей и д е н ь , аки т е м н а я н о щ ь* (Семен Иванович Шаховской-Харя — «Послание князя С. И. Шаховского князю Д. М. Пожарскому», между 1613 и 1645: контраст между темной ночью и, как предполагается, светлым днем — элементарная корпускула образности и, следовательно, художественности); — *И грады и села тысящми собрали | За Христовы рабы дерзостна себе нарицали, | И хотением большую земную славу наследили, | Но во дни и в нощи мамону стяжали. | И люди Божиа от них, яко класы, ся пожинали* (Иван Андреевич

Хворостинин, умер 28 февраля 1625 г., — «Молитва Христу Богу, иже во христианех многу неволю от царей и от правителей неразсудных злобы приемлют многи [...]»; ср. *во дни и в ноци* не в контексте противопоставления, а различения их как двух исчерпывающих полноту времени частей, объединяемых в едином целом, т. е. *всё время мамону стяжали*); — *Западная ж церковь темна во дни и в ноци*, | *Горки бо бе их зело израстуют овощи* (Он же. — «Двоестрочное согласие [...]», ноябрь–февраль 1625; рифма *ноци* — *овощи*, кажется, уникальна).

Несравненно чаще слово *нощь* встречается у Симеона Полоцкого, особенно в «Вертограде многоцветном» (1678–1679), чему способствует сам жанр «вертоградного», ориентированный на универсальность, широту и полноту охвата тем (своего рода *orbis pictus* в его словарной аранжировке). Ср. ряд примеров, цитируемых по (Симеон Полоцкий 1996–2001): *Темную нощь денница светла разсыпает*, | *Красным сиянием си день в мир впроваждает* («День и нощь» 1); — *Як заря день вѣщает*, так *нощь вечер вводит* (Там же 3); — *Нощь мрачная тму страшну на землю наводит*. [...] | *Обаче своя игры, утѣхи нощь знает*, | *Временем есть полезна. Но мудр сый блюдется | тмы нощныя, день любит, да в ней не преткнется* (Там же 4; *Нощь*; ср. эпитет *мрачная* при слове *нощь* и эпитет *нощныя* при слове *тмы*; противопоставление *день* — *нощь*); — *Паук обыче сѣть и в ноци ткати* [...] | *Но дни пришедшу раба усмотряет*. [...] | *Подобнѣ иже в ноци ся труждают | грѣховнѣй* [...] («Дѣла нощи», ср. *ночь* — *день*), ср. ниже: *Оле дѣланий нощных!*); — *Утро молитву к Богу возсылати | требѣ* [...] | [...] *В вечер же молити | должно* [...] | *И да нощь даст нам в здравии прежити* («Молитвы», 13; к исчерпанию темы полноты дня; ср. *утро* — *вечер* — *нощь*); — *В ноци обычай есть звѣрем ходити | и пищу себѣ потребну ловити*. | *Человѣци же тогда ся валяют | на ложках своих, сон употребляют*. | *Возсиявшу же солнцу, день бывает*, | *звѣрь в ложе свое всякий ся прягает*, | *А человѣци исходят на дѣло* [...] | *Нощь бѣ велика, звѣрми исполнены*, | *прежде во мирѣ Христа проявленна*. [...] | *Человѣци же в одрѣх злобы спаху | чрез ту нощь люту и бездѣлни бяху*. | *Но егда Солнце истинны явися*, | *Христос от Дѣвы Марии родися* | *И свѣтом Своим мир сей облистал есть*, [...] | *Людие паки от сна си восташа и дѣла свѣта дѣяти начаша*, | *Да сами чада свѣта нарекутся | и в страну свѣта вѣчна возведутся*. |

Отвержим убо и мы дѣла н о щ и , | а творим свѣта в Божи-
ей помощи («Нощ и день мысленный»; противопоставления
звѣри — люди [человѣци], мужество — христианство, тьма
[нощь] — свѣт [день], дѣла нощи — дѣла свѣта; ср. эпитеты
ночи — велика, люта; подступ к введению ночи в некий систе-
мообразующий текст); — Течет солнце на запад, бѣгут в море
рѣки, | преходят д н и и н о щ и , лѣта и вся вѣки, | Да во памяти
держим смертную кончину («Смерти память», 3); — Забвение
смертнаго часа ны вреждает, | яко дерзати на вся злобы попу-
щает | И в тѣх, яко во н о щ и , полагают сп а т и | да бы ничто
будущих казней разсуждати («Смерти забвение»; к связи ночи и
смертного часа); — Во Фиваиде старец нѣкий обиташе, | иже
прилѣжно Богу д е н ь и н о щ ь служаше («Смирение», 12);
Тайны святыя тщися восприяти, | еже бы сп а т и | Нощь
смертну, тебѣ добрѣ насыщенну | и на путь вѣчный
быти укрѣпленну, | им же бы в небо воведенну быти, | в нем
вѣчно жити («Старым увѣщание», 2; ночь смертная как
образ смерти, соотносимый со смертью, которой противопостав-
лена вечная жизнь); — Да ему весь день во сквернѣ живеши, | во
дѣлѣх смрадных до ночи течеши. | Чие бо утра начало твоего, |
весь д е н ь есть его («Утро и вечер»); — Тако д е н ь и н о щ ь
посвятиши Богу, | за то благодать примеши многу (Там же) и др.

Из этого перечня, далеко не исчерпывающего имеющиеся
примеры, становится очевидным, во-первых, то, что круг контек-
стов, в которые входят слова *ночь*, *день*, *утро*, обнаруживает
тенденцию к *расширению* и, во-вторых, что центром, ядром
этого круга остается сочетание обозначений ночи и дня, утра в
двух вариантах — *ночь & день (утро)* и *день & ночь (утро)* [реже
— *вечер & утро*]. Подобные сочетания продолжают играть роль
центра и позже в сходных, а иногда и «расширяющихся» контек-
стах. Лишь несколько — по необходимости — примеров: *О свет-
лейше злата солнце, луно, чиста паче сребра, | Смерть бли-
скую слышит сердце, мне умрети, вам жизнь добра. | Два
светила в д е н ь и н о щ и , ваш век старости не знает* (Андрей
Белобоцкий — «Пентатеугум. Первая книга о смерти», конец
XVII века); — *Виждь Арктура на полночи, присмотрися ту
Дианне, | Пределают д н и от н о щ и , Фосфор и Еспер предивне*
(Там же. Книга четвертая); — *На огненных конях Солнце, в
златом возе Луна ездит. |[...]| Агнец Божий просвещает
сам собою место тое, | Свет от лица испущает, Солнце*

неба предвечное. || Мрака тамо не бывало, ниже ночи и темности, | Светило ся не открывало, полно от Агнца светлости (Там же); — Окопавши они роскат, смело днем засели | и, дождавши тамо ноци, и пушки побрали |[...]| («Возлетел есть орел славны с Российския страны...», см. Позднеев 1954, 356; — Никогда неминующей смерти помышляше, | не-счетну долготу дн ей своих чаяше. |[...]| Вскую на временныя сия уповаешь, | сея ноци душею люте умираешь («Лествица к небеси [...], между 1697 и 1716 гг.); — Вечер и утро хвалу Ти творити (Там же); — Ако полудень сияет полночь, | Светлая, что день, ночь. | [...] (анонимное стихотворение «Кто идет с войском, лаврами венчанный...», 1721); — Прочь, уступай прочь, | Печальная ночь. | Солнце восходит, | Свет возводит. | Радость родит. | Прочь уступай прочь, | Печальная ночь (Феофан Прокопович — «Прочь, уступай прочь», лето 1730); — А другой и дни без сна проводит и ноци, | Как он злата кучами повеселить очи (Он же — «Новопреставшемуся иеродиакону Адаму, эпитафион», 1730); — Потом же все, от гроба пришедше до дому, | Жалкое дали эхо рыдательна грому. | Слезы день и ноци были многим вместо хлеба, |[...]| (Петр Буслаев — «Умозрительство душевное», 1734); — И по сих всех умертвися, | зельно главою томився, | Двема ноци е ден ст-вы токмо, | пременися здешних скорбно, | Пятьдесят шестаго лета | скончавши своего века («Рифмы воспоминательныя о Киновииарсе Выгорецкаго общежителства Андрее Дионисиевиче, вкратце всего жития его», 1730); — Бог-свет грехми прогневан, казнит нас бедами, имамы враг тысячу и всяко зло с нами. | Тмы ругателей нас день и ноци воют, |[...]| («Плач о отце умершем [...], 1741) и т. п.

Эти формульные структуры *ночь & день* (*день & ночь*), *утро & ночь* (*вечер*) и т. п., где каждое слово как бы притягивает к себе другое, антонимичное ему, но в сумме с первым образующее некое целокупное единство, элементы которого могут аранжироваться по порядку, форме и смыслу по-разному, но всегда сохраняют связь с исходным прототипом. Такие структуры хорошо известны и стихам крупнейших поэтов 30–50-х годов XVIII века, в частности Тредиаковскому, Кантемиру, Сумарокову и, конечно, Ломоносову. Несколько примеров: *Тако, когда мои дни пробе-гут без шума | (Приятна во дни, в ноци, сия мне есть дума!)* (Тредиаковский — «Стихи Сенековы о смирении. Переведены с

латинских», 1730); — *Не больше есть дня ночи, | Ни ночи есть дня больше; | Сила? ан и нет мочи. | Жизнь? но не ста лет дольше.* («Ода о непостоянстве мира», 1730); — *С утра до ночи тамо пребывают, | О любви одной токмо помышляют* («Езда в остров Любви», 1730); — *На что быти в печали, | чрез всѣ дни, чрез всѣ ночи, | когда тѣ дни настали* (Там же); — *Разлучившись тогда с милыми дружками | дабы в великой скукѣ не быть ночми днями* (Там же); — *О коль сердцу есть приятно | видѣть за невѣрному [...]| и своею рукою отстужных сердца кинѣнии | утирать плач, а собою | Чрез великія милости | платить за горкія очам | слезы и заунылость | что были по дням, по ночам* (Там же); — *По случаю всю ночь без сна так пребыла [...]| А ожидая дня, всходящему молилась* («Деидамия», 1750; издана — 1755); — *Как в тине б мы какой уж углебали в нем, | Страдали ж бы то зло и нощю и днем* («Феоптия». Эпистола II, 1-ая полов. 50-х гг.); — *Чин дивный смену дня и ночи уставляет, | Премудрость вышню тем довольно проявляет* (Там же); — *Четыре в сутках суть несходственные части, | А каждая перва мать другой Творца по власти: | Родится утром день, от вечера уж тьма, | Без утра вдруг мы дня, без вечера весьма | Не можем вдруг же снести и темныя толь ночи* (Там же; схема порождения суточных «времен» в духе ионийских натурфилософов и древнекитайского учения об элементах и т. п.); — *Что ж начетверо те эклиптику секут, | То растворенны к нам те времена текут, || Приводят в равность две — и дни и также нощи* (Там же; божественная оправданность дня и ночи, лета и зимы; теософия мироустройства); *Прáздна ужé Колесница самá свой бѣг направляла, | Даруя дни-же и-нощи Земным, и-времѣн перемѣны* («Тилемахида», кн. III, ст. 401–402, 1766); — *Я провождал и дни и нощи в глубокой печали* (Там же, кн. II, ст. 610); — *Да и в нощю и в день всегда пребывает безсонен* (Там же, кн. III, ст. 185); — *Да не-увѣдан буду я от-Подзѣрщиков Царских, | Денно и нощно — во-всѣм ходивших городѣ всюду* (Там же, кн. III, ст. 543–544); — *Мы погибли совсѣм! Царь, мучимый денно и нощно, | Подозрѣвает ужé, что ты не с острова Китра* (Там же, кн. III, ст. 565–566); — *Денно и нощно курятся внутрь Ароматы Восточны* (Там же, кн. IV, ст. 330); — *День премѣнился в нощю; а Смерть пред нас и предстала* (Там же, кн. VI, ст. 327) и др.

Реже (а отчасти и менее показательны примеры этого рода у Кантемира, ср. хотя бы: *Девка в поварне одна; я с утра до ночи | Пятерым хозяевам служба со всей мочи | Надсажался* («Сатира V. На человеческие злонравия вообще. Сатир и Перьерг», впервые — 1762, «зачата сатира сия в августѣ месяцѣ 1731 года»); — *Или торчатъ при дворе с утра до полночи* («Сатира VI. О истинном блаженстве», впервые — 1762, написана, видимо, в начале 1738 г.); — *Проводил бы все время, веселяся разное, | И всю ночь крепко бы спал, а в день ходил праздно* («Сатира вторая. К Мольеру. Из Буало»; впервые — 1906, написана, видимо, в 1740-е гг.) и др.

Зато нередко появляется эта формула в поэзии Сумарокова (как и у поэтов его круга, писавших, как правило, уже после того, как были написаны, а иногда и уже опубликованы оба «Размышления» Ломоносова). Несколько примеров из Сумарокова: *Вспевай в идиллии мне ясны небеса, |[...]| Весну, приятный день и тихость темной ночи* («Эпистола I», 1747, <1774>); — *Леса, поля, луга, сияньем освещались, | И горы вдалеке Авророй озлащались. | С любезной ночью рассталася луна* («Дориза», 1768); — *В отчаяньи, в тоске, теряю мою беду, | С утра до вечера покойной ночи жду, |[...]| И с нетерпением желаю темной ночи* («Другим печальный стих рождает стихотворство...», 1774); — *Пройди, пройди скорее, ненадобный мне день, | Мне свет твой неприятен, пусть кроет ночи тень* («Уже восходит солнце...», песня в рукописном сборнике 1755 г. из собрания И. А. Вахрамеева, № 2; впервые опубликовано — 1770); — *Наступил уже решенья день, | Приближается ночь темная, | Скрылось солнце в море бурное, |[...]* («О ты, крепкий, крепкий Бендер-град», впервые опубликовано в 1773 г.); — *Мной тоска день и ночь обладает, | Как змея мое сердце съедает, | Томно сердце всечасно рыдает | Иль не будет напастям конца?* («Противу злодеев», 1759, май); — *Дни светлы кажутся густой темняе ночи* («Димитрий Самозванец», 1771) и т. п.

Весьма высокая частотность формулы *ночь & день* и ее «обратного» варианта *день & ночь* не может не вызывать удивления и заставляет признать, что это естественное явление, поскольку слишком часто возникает необходимость обозначения как двуединства ночи (дня) и дня (ночи) — и как идеи суточного временного цикла через отсылку к его составу, и как своего рода

акцента на разности, более того, противоположности этих частей суток, иногда практически во всем кроме того, что эти части переходят друг в друга взаимно, что и объясняет их неперемное (так сказать, принудительное) соседство в суточном цикле времени. Эта «естественность» (а как же может быть иначе? — напрашивается вопрос) как бы снимает с обсуждения другой вопрос — о происхождении этой формулы, ее связи с мифом и ритуалом, с типологическими аспектами проблемы, наконец, с этимологией обозначений частей формулы. Учет же этих аспектов углубляет само представление о «естественности» возникновения этой формулы, объясняя тот факт, что наряду с потребностью с о х р а н е н и я архаического обозначения суточного целого, существует и другая потребность — в обеспечении непрерывности живой связи с первоисточником, а если эта непрерывная связь почему-либо нарушена, она должна быть восстановлена — и не только намеренно, но нередко и подсознательно. Эта потребность в возвращении к первоисточнику, обновлении его «старого» образца, включении-проверке его состава, формы, смысла объясняет роль таких формул в сфере художественного слова, каковое представлено прежде всего в поэзии.

Может показаться странным, если даже не излишним, связывать факты русской поэзии последних трех-четырех веков со сходными фактами индоевропейской древности, иногда вплоть до праязыкового уровня. Но в масштабе «большого» времени и в связи с общей проблемой эволюции средств выразительности, с формированием и развитием их поэтической функции игнорирование таких «сверхдальних» связей было бы серьезной ошибкой, препятствием на пути становления исторической поэтики, ее форм и смыслов. Иное дело — как все это происходило реально и конкретно, но все-таки нельзя недооценивать и промежуточных отрезков эволюционного пути. И еще, конечно, нужно помнить слова поэта — *всё было в старь, всё повторится снова, | И сладок нам лишь узнаванья миг*. Каждое из этих утверждений верно, и сам миг узнаванья, открытия для себя старого как н о в о г о и есть факт, событие уразумения этой связи, еще раз подтверждающий неразрывность сравнительно-исторического и типологического (если говорить о языковом аспекте проблемы), филогенетического с онтогенетическим.

Конкретно, и в более узком аспекте, уместно напомнить о некоей линии преемственности и об общем пространстве сосущест-

вования таких фактов, как формула «ночь» & «день» и «день» & «ночь» с др.-русск. *нощѣднѣ*, *нощеденница*, *нощеден(ь)ство* 'сутки', *нощедѣние*, *нощедень* (*νυχθημερον*), *дненощно*, *дъненоштѣнь* (*ημερονυκτιου*), *дъноноштие* (ц.-слав.) и т. п., см. Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 4, 251; вып. 11, 435–436 и др., а также о соотношении самой формулы, обозначаемой как отдельными словами *ночь* и *день* (*день* и *ночь*), так и одним словом типа *dvandva*, с многочисленными подобными фактами, фиксируемыми другими индоевропейскими языками (об этом см. в другой работе).

Основной вклад русской поэзии XVIII века в создание четко оформленного варианта «ночно-утреннего» текста и образов и идей, с ним связанных, — два «Размышления» Ломоносова, а именно — «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния», написанное в 1743 году (скорее всего с мая 1743 года до конца этого же года, когда Ломоносов находился под стражей) и опубликованное в 1748 году в «Риторике» (Спб., 1748, 252), и «Утреннее размышление», впервые появившееся в «Собрании разных сочинений» (Спб., 1751, 41), см. (Будилович 1871; Ломоносов 1959, 909–912).

Оба эти текста образуют органическую пару, которая может рассматриваться и как единство двух текстов и как два отдельных практически самостоятельных текста, но безусловно — при всех различиях, которых немало, — четко соотносенных друг с другом, отчего эта поэтическая двойка как двуединый текст существенно выигрывает. Сама «парность» этих двух «размышлений» как бы очевидна (она, конечно, входила в замысел поэта), но именно в силу этой очевидности она, видимо, и не стала предметом последовательного рассмотрения.

Многое раскрывается уже при совместном рассмотрении того, как озаглавлены эти два текста. В каждом из этих двух заглавий по три существенных позиции, темы, две из которых оказываются общими, а одна — различна. В центре всего главное — Б о ж и е В е л и ч е с т в о, которое раскрывается в обоих «Р а з м ы ш л е н и я х» над двумя природно-атмосферическими феноменами, принадлежащими одному и тому же временному кругу, но оказавшимися в разъединении — н о ч ь и у т р о или, следуя выбору автора, в е ч е р и у т р о, соответственно — «Вечернее размышление» и «Утреннее размышление». В этом случае можно

говорить о некоей асимметрии. В «Вечернем размышлении» речь идет, строго говоря, не о вечере, а о ночи. Лишь первый стих как бы сообщает о конце вечера — *Лице свое скрывает день*. И далее — только о ночи: *Поля покрыла влажна н о ч ь*, | *Взошла на горы черна тень* (и если даже горы, видимо, их вершины, в «черной тени», значит, что солнце уже зашло). Констатация ночи — в двух последних стихах первой строфы: *Открылась бездна, звезд полна*; | *Звездам числа нет, бездне дна*. Собственно, именно эта ночная бездна и становится предметом размышления. В «Утреннем размышлении» поэт, пропуская описание восхода солнца, наиболее яркого и бесспорного знака наступления утра, имеет в виду именно утро, и если бы не открывающее первый стих наречие *уже* (*прекрасное светило* | *Простерло блеск свой по земли*), можно было принять дальнейшее и за описание полдня, дня (это невыраженное, но легко представляемое *уже* не было бы лишним и в первом стихе «Вечернего размышления» (что-нибудь вроде — *Уже лице скрывает день*)).

Но оба описания — ночи и утра, — в паре как бы исчерпывающих суточный цикл, взятый в двух наиболее диагностически важных его проявлениях (смена дня/вечера ночью и ночи — утром/днем, изменение-превращение света в тьму и тьмы в свет, сокрытие-закрытие и открытие, своего рода «крытие», но с противоположными знаками), только повод для размышления о Божием Величестве, о некоей высшей тайне, к которой отсылает само явление «нощеденства» и «дьнонощия», суточного круговорота времени (стоит заметить, что соответствующие слова являются собой тип *dvandva*, в котором оба члена связаны отношением соположения; ср. круг значений др.-инд. *dvandva* — ‘пара’ [муж и жена, мужчина и женщина]; ‘пара противоположностей’; ‘ссора’, т. е. двусторонний конфликт, противоречие, спор, поединок; ‘сомнение’, т. е. противоречие в выборе «мнения», что семантически близко к смыслу слова *раз-мышление*, корень которого **mon-* (*slb*) [к и.-евр. **men-*: **mon-*: **mən-*] тот же, что и в слове *мнение* [из **mən-*]).

В этом контексте, а также при учете параллелизма обоих сопоставляемых текстов, не вызывающего никаких сомнений (расхождения начинаются позже и на другом уровне, имея при всем том весьма насыщенное параллелизованное и параллелизирующее пространство), само слово *размышление* в существенной степени имеет *ж а н р о у к а з у ю щ и й* характер: поэт *р а з -*

мышляет, потому что существует слишком много важного, в отношении чего нет ясности, определенности и возникают вопросы, тоже многие и разные. Размышление как раз и можно представить как своего рода перебор мнений, ни на одном из которых нельзя остановиться окончательно, заменив «мнение» выводом, основанным на твердом знании, — «ни на одном» кроме все-таки того, что стоит вне ряда и является не вопросом «вывода», но достоянием веры, а именно — Божие Величество, как бы ни интерпретировать его содержание, ибо основание веры, ее пространство и ее функция принципиально иные, нежели у сферы знания.

«Вечернее размышление»

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна
ночь,
Взошла на гору черная тень;
Лучи от нас склонились
прочь.
Открылась бездна, звезд
полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
.....
Се хладный пламень нас по-
крыл!
Се в ночь на землю день
вступил!

«Утреннее размышление»

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли,

И Божия дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;

Чудясь ясным толь лучам,

Представь, какой зиждитель сам!
.....
От мрачной ночи свобо-
дился
Поля, бугры, моря и лес

И взору нашему открылись,
Исполнены твоих чудес.

Из сопоставления обоих фрагментов (при этом первые два — начальные) «Размышлений» выявляется ряд важных фактов. Прежде всего ключевой предикат связан с идеей «крытия», общей обоим текстам, но с разными знаками, разными направлениями. В первом случае («Вечернее размышление») речь идет о скрытии-покрытии «видимого» дневного мира, результатом чего является наступление «мрачной ночи», «черной тени», и открытии бездны, по определению невидимой и пунктирно обозначаемой звездами. Во втором случае («Утреннее размышление») практически единственным предикатом является глагол, обозначающий открытие-«свобождение» (другой — он же

последний — предикат несет в себе идею простирания [*./светило* | *Простерло блеск свой по земли*] светилом света, одной из разновидностей которого выступает блеск светила. В «Вечернем размышлении» скрывается сам день, свет, а с ними и поля, горы, собственно всё, кроме безвидной бездны. В «Утреннем размышлении», напротив, светило извлекает из «мрачной ночи» *Поля, бугры, моря и лес*, являет «чудеса» Божьего мира, открывающиеся «взору нашему» и, надо думать, прогоняет ночную неопределенность, неуверенность, вызывающие страх и тревогу.

В приводимых фрагментах главное держится на глаголах «крытия», представленных десятком примеров, включая в их число и такие, как *свободились* или *склонились прочь*. Необходимо отметить достаточную густоту общего слоя. Помимо глаголов «крытия» ср. также диагностически важные «индексы» *ночь, мрачна ночь, бездна*, с одной стороны, и *день / дневной, лучи / солнечны лучи, луч, солнце, светило / свет, взор / воззреть / зрак* и т. п. Можно представить и более полный список общих или близких элементов (первые относятся к «Утреннему размышлению», вторые — к «Вечернему размышлению»; близкие по смыслу, но разные слова заключены в скобки):

Боже — Божество, Творец — Творец (Господь, Зиждитель), тварь — тварь, солнце — солнца (мн. ч.), светило (лампада) — свет, светы, лучи — лучи, луч, ясные лучи — ясный луч, блистать (блеск) — блестеть, огненный — огонь, пламенный — пламень, искра — искра [имплицитное описание зари], дневной — день (веселие) — (радость), (чудеса, чудиться —), (око, очи —), воззреть, взирать, взор — зрак, бездна — бездна, Океан — моря (мн. ч.), моря — морские, мрачная ночь — мрачная ночь (ночь, ночью), (тьма) — (мгла); (тьма —), вихри — вихрь, валы — волны, земля — земля, бугры — гора, пронизать — пронзать, простереть — пространен, (— звезды, планеты), (— молнии), (— тучи), (— пар), (— тонкий, ср. тонкий пламень).

Все это дает основания говорить о «Вечернем размышлении» и «Утреннем размышлении» как о частях своеобразного диптиха о величии Творца и сотворенной им твари, о творении и об общем локальном «ядерном» словарики обеих частей диптиха.

Особо следует отметить, что густота общего слоя должна учитываться в двух измерениях — так сказать, по горизонтали (т. е. между обоими «Размышлениями») и по вертикали (т. е. внутри каждого из стихотворений), что существенно расширяет про-

странство общих элементов. Наконец, существенно подчеркнуть, что текст «Вечернего размышления» более энергетичен в плане фоники, чем текст более «спокойного» «Утреннего размышления»: ночь, тьма, невидимость вызывают беспокойство, тревогу, чувство потерянности, а день, свет, предельно возможная видимость успокаивают, вызывают положительные эмоции, гармонизируют состояние души. В сопоставляемых выше фрагментах обоих текстов уровень звуковой организации («фоничности») «Вечернего размышления» по меньшей мере в т р о е выше, чем в «Утреннем размышлении», при том что фрагмент первого текста содержит в о с е м ь стихов, тогда как объем фрагмента второго текста — д е с я т ь стихов, см. выше.

Как ясно из сопоставления обоих «Размышлений», так и из сказанного выше, дело, конечно, не только в свете «открывающем» и тьме «закрывающей», но и в самой возможности «проникать бездну», которой обладает Бог, или судить о скрытом ею по «малым вещи знакам», как это делают те, *которых быстрый зрак* | *Пронзает в книгу вечных прав*. Возможности открывать подлинное, суть явлений у Бога, пронизательных людей и простых смертных, пределы познания которых существенно ограничены, слишком различны. И в этом отношении — каждому по его возможностям.

«Вечернее размышление»

Песчинка как в морских волнах,
 Как мала искра в вечном льде,
 Как в сильном вихре тонкий прах,
 В свирепом как перо огне, —
 Так я в сей бездне углублен,
 Т е р я ю с ь , м ы с л ь м и
 у т о м л е н ,
 О вы, которых быстрый зрак
 Пронзает в книгу вечных прав,
 Которым малый вещи знак
 Являет естества устав!
 Вам путь известен всех планет;
 Скажите, что нас так мятет?

«Утреннее размышление»

Когда бы смертным толь высоко
 Возможно было взлететь,
 Чтоб к солнцу бренно наше око
 Могло, приблизившись, возреть,
 Тогда б со всех открылся стран
 Горящий вечно Океан.

Размышление едва ли возможно без в о п р о ш а н и я , даже если оно направлено к самому вопрошающему. Вопрошают о

неизвестном, закрытом, о недоступной уму тайне. А это и есть ситуация ночи. Едва ли поэтому случайно, что в «Вечернем размышлении» вопрошание повторяется двенадцать раз (*Но где ж, натура, твой закон?; — Не солнце ль ставит там свой трон? | Не льдисты ль мещут огонь моря?; — Скажите, что нас так мятет?; — Что зыблет ясный ночью луч? | Что тонкий пламень в твердь разит? | Как молния без грозных туч, | Стремится от земли в зенит: | Как может быть, что мерзлой пар | Среди зимы рождал пожар?; — Скажите ж, коль пространен свет? | И что малейших дале звезд? | Несведом тварей вам конец? | Скажите ж, коль велик Творец?*), тогда как в «Утреннем размышлении» нет ни одного вопроса: там и так все ясно.

Весьма существенно отметить и то, что «Вечернее размышление», с одной стороны, оказывается своего рода ночным репортажем. Вечер только начальная точка отсчета — *Лице свое скрывает тень*, сам же репортаж «ночной», принципиально «перфектный» по своему характеру. «Покрыла», «взошла», «склонилась», «открылась», и результат этих действий отложился как пребывающее *hic et nunc* состояние; с другой стороны, перед нами слишком странный «ночной» репортаж, если среди только что наступившей ночи, вопреки всем законам естества — что важнее — в полном расхождении с представлениями здравого разума на глазах свидетеля появляется «дневное» — *С полных стран встает заря! | Не солнце ль ставит там свой трон? | Не льдисты ль мещут огонь моря? | Се хладный пламень нас покрыл! | Се в ночь на землю день вступил*. Конечно, перед нами описание северного сияния, которое само по себе нередко вызывает у свидетеля его некое «мистическое» переживание, хорошо известное у шаманов и у людей особого психического склада, преимущественно живущих в широтах, где видно северное сияние.

Разумеется, Ломоносов безусловно «утренний» («дневной») поэт. В этом сила его жизнеутверждающего оптимистического дара. И если у него встречаются отдельные «ночные» фрагменты, то чаще всего они вводятся для того, чтобы оттенить благодать утра, восхода солнца, зари по контрасту с мраком ночи, или в надежде на ситуацию, предполагающую взаимоисключающие варианты ее восприятия, — что хорошо и радостно для нас, то плохо и горестно для наших врагов. Ср.: *Какой приятный зэфир веет | И нову силу в чувства льет? | Какая красота яс-*

н е е т ? | Что всех умы к себе влечет? || Мы славу дщери зрим
Петровой, | Зарей торжеств светящу н о в о й , | Чем ближе та
сияет к нам, | Мрачнее ночь грозит врагам («Ода на при-
бытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург по
коронации, 1742 года»). И во многих других стихотворениях
Ломоносов возвращается к изображению утреннего как феерии
света, солнца, прогоняющих ночь и страх: *И се уже рукой багря-
ной | Врата отверзла в мир заря, | От ризы сылет свет румяной
| В поля, в леса, во град, в моря. | Велит ночным лучам склонить-
ся | Пред светлым днем и в тверди скрыться | И тем почтить
его приход* («Ода на день восшествия на престол Елисаветы Пет-
ровны, 1746 года»; — *О утра час благословенный, | Дра-
жайший нам златых веков! |[...]| Мы в скорбной темноте
заснули, | Но в радости от сна вспрянули, | Как Ты нощ-
ный рассеял мрак. [...] Свои колена преклоняют | И жертву
ныне выражают | Усердну в радостных сердцах | Пред
солнцем, на земли светящим, | Что нам в печальной тьме
сидящим, | Пролити свет, отгнало страх* («Ода на день восше-
ствия на престол Елисаветы Петровны, 1746 года»); — *Великое
светило миру | Блестая с вечной высоты | На бисер, злато и
порфиру, | На все земные красоты | Во все страны свой взор воз-
водит* («Ода на восшествие на престол Елисаветы Петровны,
1747 года»); — *Заря багряною рукою | От утренних спокойных
вод | Выводит с солнцем за собою | Твоей державы новый год. |
Благословенное начало | Тебе, богиня, воссияло* («Ода на день
восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1748 года»); —
*Когда заря багряным оком | Румянец умножает роз, |[...]| И
солнце, восходя дивится, |[...]|* («Ода, в которой благодарение от
сочинителя приносится за милость, оказанную в Сарском Селе,
1750 года»); — *Щедрот источник, ангел мира, | Богиня радост-
ных сердец, | На коей как заря порфиры, | Как солнце тихих дней
венец; | О мыслей наших рай прекрасный, | Небес безмрачных
образ ясный, | Где видим кроткую весну* («Ода Елисавете Пет-
ровне на преславныя Ея победы, одержанные над королем Прус-
ским нынешнего 1759 года»); — *Как возделенный солнца луч, |
Хотя не престая сияет, | Скрывается от мрачных туч | И не
повсюду согревает. | Подобна милосерда власть* («Ода Елисавете
Петровне на праздник восшествия на престол 1761 года»); —
*Уже нам дневное светило | Свое пресветлое лице | Всерадост-
ным очам явило | Лучей прекрасных во венце. | Туманы, мраки*

разгоняя | И радость нашу предваряя, | Поля, леса, берега живут
 («Ода Екатерине Алексеевне на Ея восшествие на престол июня 28 дня 1762 года»); — *Когда ночная тьма скрывает горизонт, |*
Скрываются поля, леса, берега и понт, | Чувствительны цветы во
тьме себя сжимают, | От хладу кроются и солнца ожидают. |
Но только лишь оно в луга свой луч прольет — | Открывшись, в
теплоте, сияет каждый цвет. |[...]| Подобен солнцу твой, мо-
нархиня, восход, | Которой осветил во тьме российский род
 («Надпись на иллюминацию в день восшествия Елисаветы Петровны на престол, ноября 25 дня 1752 года»); изображено было восходящее солнце и вазы с «чувствительными цветами») и т. п. Новая жизнь тем и хороша, что, если и было нечто мрачное, ночное, печальное, то сейчас оно потонуло в обилии солнечного света, цветов, радости. Далее по этому пути идти больше уже было нельзя. С Ломоносовым ушла целая эпоха в русской поэзии, и в следующих двух десятилетиях в центре внимания оказывается уже ночь, и о ней будут писать Муравьев (прежде всего «Ночь»), Карамзин и их последователи, и писать они будут иначе, нежели писал свои «ночные» тексты Ломоносов.

Нужно, однако, заметить, что в «утренних» или «дневных» стихах поэта преобладали радость, восхищение, восторг, в «ночных» же — и прежде всего в «Вечернем размышлении» — попытки в хаосе происходящего найти закон, распутать тайное. Здесь нет радости во всей ее непосредственности, если угодно, физиологичности человека, просыпающегося ранним солнечным утром в хорошем настроении, как в «утренних» стихах, но пытливая мысль и потребность раскрыть тайны ночной феерии. В «ночных» стихах за поэтом отчетливо просвечивает человек науки, один из первых в России, кто пытался по-новому разгадать загадки космогонии.

ЛИТЕРАТУРА

Будилович А. С. Ломоносов как писатель. Спб., 1871.

Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Исследования и материалы. Л., 1990.

Левин Ю. Д. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. II. Драматургия. Поэзия. Спб., 1996.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи 1732–1764. М.; Л., 1959.

Позднеев А. В. Песнь о взятии Азова в 1696 году // ТОДРЛ 10, 1954.

Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Т. 1–3. Кельн, Веймар, Вена, 1996–2001.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 (издание продолжается).

Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Том II. Русская литература второй половины XVIII века. Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: введение в творческое наследие. Книга II. М., 2002.